

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Рев моторов, сигналы автомобильных клаксонов сливаются в какой-то невнятный гул и врываются в ее сон. Марина открывает глаза. Часы на телефоне показывают 5.45. Ну почему так рано?

Сначала ей кажется, что она проснулась на улице. Звуки, пробивающиеся через тонкое стекло, настолько громкие и осязаемые, что она буквально чувствует под своей спиной мокрый и шершавый асфальт, видит чьи-то ноги, которые вот-вот наступят на нее, раздавят, затопчут... Нет, слава богу, она не на улице. Она в постели. В старом доме, построенном еще в середине прошлого века, в квартире на четвертом этаже — естественно, без лифта. В крохотной комнатке, бывшей когда-то чем-то вроде салона, но теперь превратившейся в полноценную, если можно так выразиться, квартиру.

Итак, она проснулась в своей кровати, приставленной к окну, в крохотной убогой комнатушке. Через это окно порой врываются ветер

и капли дождя, нагло и безнаказанно хозяйничая в помещении.

Комната обставлена дешевой мебелью из «Икеи». Кроме кровати здесь помещается лишь маленький столик, на котором стоит газовая плитка с одной-единственной конфоркой, тостер и кастрюля. Столик этот служит одновременно и столовой, и кухней, и рабочей поверхностью. Под него задвинут табурет. Еще в комнате есть миниатюрный холодильник с двумя полками и маленькая раковина, куда Маринины руки целиком не помещаются, не говоря уже о других частях тела. Зато у нее имеется отдельный санузел и даже собственная стиральная машинка! Поразительная роскошь для этого жалкого жилища.

6.00. Пора вставать. Она с ужасом представляет себе, что придется вылезать из теплой постели и шлепать по ледяным каменным плитам. Зимой здесь страшно холодно, и это учитывая, что шесть месяцев в году стоит жуткая жара. Что за дикий климат!

Но выхода нет. Марина вылезает из постели, и холод окутывает ее. Она опускает ноги в тапочки, набрасывает теплый махровый халат и идет в туалет. Здесь есть унитаз, душ, спрятанный за клеенчатой шторой, и маленькая тумбочка, в которой Марина хранит свои скудные косметические запасы. Их действительно совсем немного. Даже удивительно, как быстро она стала такой экономной! Тюбик с зубной пастой, увлажняющий крем, тушь и помада... Все. Раньше, в те

времена, когда она была уважаемой и обеспеченной женщиной, у нее были французские духи, дорогие кремы, целый арсенал теней, блеска для губ, карандашей для глаз, лака для ногтей и прочих женских глупостей. Теперь же она довольствуется совсем немногим.

Наскоро позавтракав, Марина выходит из своей каморки. Рядом, в другой комнате разделенной квартиры, живет Раиса с мужем. Дверь они почему-то всегда оставляют открытой настежь, поэтому можно сколько угодно наблюдать за их личной жизнью. Марина старается не заглядывать в туда, но взгляд сам собой замечает грязную постель, скомканные простыни, разбросанную одежду, уродливые веревки, свисающие с потолка, на которых сушится кое-как выстиранное белье, и пустые бутылки из-под пива. Нос ощущает запахи невымытых тел, алкоголя и сигарет. Курить в их квартире строго запрещено, об этом свидетельствует табличка на трех языках (русском, иврите и английском), которая висит на входе, но Раису с мужем это совершенно не смущает. Марина даже подозревает, что они не умеют читать. И хорошо еще, что в столь ранний час Раиса не готовит! Если ей вздумается сварить обед, то тут уж пиши пропало — вся квартира пропитается запахом горелого лука, топленого жира и еще каких-то ингредиентов, неизвестных, но столь же отвратительных.

Про Раисиного мужа Марина знает мало — то есть вообще ничего, даже имени его не знает. Это

какой-то мутный персонаж, которого она до сих пор так и не разглядела толком. Когда Марина уходит из дома, ровно в 6:30 утра, он еще спит, а когда возвращается — уже спит. Или лежит в постели и курит. Или полулежит с компьютером на коленях. В общем, Марина никогда не видела его в вертикальном положении.

Марина пытается открыть входную дверь, но замок, как всегда, заедает. Она ругается и нервничает, потому что рискует опоздать на работу, но тут из соседней комнаты появляется Вероника. Несмотря на ранний час, она уже проснулась и, как ни странно, одна.

— Холодно сегодня, — вздыхает Марина.

— Будем закаляться! — бодро отвечает Вероника в своей привычной чуть насмешливой манере. Она никогда не теряет бодрости духа, даже когда хочется выть от тоски. Вероника, конечно, красавица, и Марина ей немного завидует, хотя мысленно называет ее смазливой. Вероника высокая, стройная, у нее хорошая кожа, длинные волосы, выкрашенные в темно-рыжий цвет... Свойто у нее тоже рыжий, о чем свидетельствуют веснушки на очень белом чистом личике с нежным розовым румянцем и без единой морщинки, но для пушного эффекта она красит волосы в еще более насыщенный, почти красный цвет.

Ей всего двадцать четыре года, но она уже много чего в жизни повидала. Вероника не скрывает, что мечтает об удачном замужестве — иначе говоря, пытается как можно выгоднее продать

свою молодость и красоту. И Марина ее полностью поддерживает: для Вероники, которая просто не создана для тяжелой работы, это единственный шанс на достойную жизнь. Вероника веселая, энергичная, беспринципная и не связана никакими морально-нравственными императивами. Желаящих провести ночь в ее постели всегда много, но желающих жениться пока не нашлось.

***

Наконец из соседней комнаты появляется Раиса. Это высохшая злобная тетка неопределенного возраста, хотя несложные арифметические вычисления позволяют предположить, что ей около шестидесяти. У нее морщинистое тело, из которого, кажется, высосали все соки, гнилые зубы и такая же прогнившая душа. У Раисы никогда не бывает хорошего настроения, улыбки на лице, и доброго слова тоже не находится ни для кого. Жизнь у нее дерьмо, муж козел, погода мрак, дети твари, а окружающая действительность — полный отстой.

Раиса одета, как всегда, в штаны и рубашку. На плечи небрежно накинута выдавшая виды куртка.

— Че, опять заел, зараза? — спрашивает она. Раиса всегда, во всех обстоятельствах, ведет себя деловито-угрюмо. Сказываются закалка и большой жизненный опыт.

Марина уже нервничает, слезы подступают к глазам. Что-то в последнее время она часто

плачет... Ей, вообще-то, это несвойственно — по крайней мере, так было раньше. Старееет, что ли? Или нервы ни к черту? А может, гормоны? В ее-то возрасте...

— Да, заел. Не открывается, — говорит Марина, будто оправдываясь.

— Щас мы его быстро откроем, — обещает Раиса и мощным, ловким движением наваливается на проржавевший замок, ожесточенно впикивает в него ключ, пока он с жалобным писком не поддается.

— Все, сломала, — с удовлетворением сообщает она. Несколько сожалея о погибшем замке, но довольные своим освобождением, дамы выходят на улицу.

К ним тут же направляется калека на инвалидном кресле.

— Денюжку дайте, — канючит он.

Раиса с Вероникой равнодушно проходят мимо, делая вид, что не замечают его. Марина, тяжело вздыхает, вытягивая из сумки кошелек.

— Назови три любые цифры, — предлагает Раиса после того, как Марина догнала ее. — Сегодня усиленное излучение от солнца, а это влияет на магнитные поля, — сообщает она авторитетно.

Не думая, Марина отвечает:

— Три, четыре, семь.

— Вечером проверим, — кивает Раиса. — Сегодня по прогнозу должен быть удачный день.

Раиса каждый день заполняет лотерейный билет в ближайшем киоске. Киоскерша

приветствует ее радостной улыбкой. Раиса долго выбирает билет, прежде чем отдать за него несколько монеток, придирчиво рассматривает его, как будто видит в первый раз, аккуратно и медленно выводит цифры...

Ей непросто далась наука по заполнению лотерейных билетов. В каждом четырнадцать таблиц, разделенных на два сектора. Нужно заполнить минимум две комбинации, вычеркивая ненужные номера. Каждая комбинация должна содержать шесть номеров от одного до тридцати семи и один дополнительный номер от одного до семи. Это вам не хухры-мухры, а сложная логическая работа, которая не каждому под силу!

Раиса пыхтит и старается, аккуратно зачеркивает ненужное и вырисовывает понравившиеся цифры. Если сложить все, что тратит она каждый день, выяснится, что каторжный труд по заполнению билетов уже обошелся ей в кругленькую сумму, но Раиса не отчаивается. Она верит, что рано или поздно ей повезет: должно же хоть в чем-то когда-нибудь повезти! Она уже выиграла как-то пятьдесят шекелей, чем очень гордилась, но, конечно, мечтает о большем.

Наконец Раиса передает бланк улыбочивой кассерше, которая сканирует его и отдает ей копию.

— Беацлаха! Удачи! — Она всегда завершает процедуру дежурным пожеланием успеха.

Раиса бурчит что-то под нос, забирает свою копию документа и уходит.

***

Три соседки расстаются, и каждая следует по своему маршруту: тощая, дряблая, морщинистая Раиса заползает в зеленый автобус; Вероника, весело подпрыгивая и сверкая на солнце своими ярко-рыжими волосами, ныряет в такси, на котором крупными буквами написано «Шофер Эдик»; Марина, уставшая, печальная, с потухшим взглядом, медленно бредет пешком.

Все три женщины направляются на работу. Им предстоит трудный день: мыть, чистить, резать, отвешивать, красить, пилить и улыбаться фальшивыми улыбками тем, кто платит им деньги.

Глава вторая

В той, прошлой, жизни Марина жила в шахтерском городке на востоке Украины. Когда-то сюда съезжались специалисты со всего Союза, и потому жизнь в отличие от других областей страны была зажиточной, почти что барской. Здесь был настоящий центр советской промышленности: стучали отбойными молотками шахтеры, пыхтели огромные заводы, где трудились тысячи людей, выплавляя сталь, алюминий и другие металлы... Сюда же, на шахты, отправлялись бывшие зэки, откинувшиеся уголовники — насильники, воры, хулиганы и прочая мелкая сволочь. Неизвестно откуда появившиеся казаки селились в своих деревнях и особо не досаждали окрестным жителям.

Марина была швеей. И не просто обычной портнихой — настоящей мастерицей! Она славилась своими умениями не только в городе, но далеко за его пределами. К ней даже из соседних поселков приезжали, знали, что лучше не найти. Брала за работу дорого, это правда, но оно того стоило: лучшие ткани, тщательно подогнанные детали, исключительно аккуратная отделка...

Марина держала ателье, где обшивала жен представителей местной элиты, людей богатых и известных. Все относились к ней с уважением, всегда были готовы уладить вопрос с детским садом для ребенка, с доставкой дорогого чешского кафеля для ремонта в ванной, с оформлением документов и множеством других мелких, но очень нужных услуг, которые могут оказать только люди, обладающие связями и полномочиями.

Этот небольшой бизнес приносил достаточно приличный доход, и Марина считалась женщиной зажиточной — во всяком случае, по местным меркам. Откровенно говоря, именно она была настоящим добытчиком в семье. Муж приносил деньги нерегулярно: бывало, месяцами не зарабатывал ничего, а бывало, выкладывал на стол целые пачки смятых купюр.

Ателье ее пользовалось успехом. Вскоре получилось так, что Марина одна не могла справляться с потоком клиентов и стала приглашать других портних. Всего у нее работали четыре швеи и одна вышивальщица. Какая рукодельница! Она могла часами сидеть над пяльцами, подбирать нитки, укладывать стежок к стежку, рисовать иглой орнаменты, цветы, птиц и бабочек. Руки у нее были волшебными, и их совместная работа заслуженно считалась исключительной по качеству. В общем, жили и жили. Хорошо жили.

Муж Марины, Сергей, тоже был человеком в городе известным и авторитетным. Чем он занимался, где проводил время и откуда приносил деньги, она не спрашивала — боялась и не хотела этого знать. Марина и не рассчитывала особенно

на него, научилась зарабатывать сама... Но мужа любила. С самой юности, с тех пор, как впервые увидела его — крепкого, коренастого, уверенного в себе парня, — так и влюбилась. И вот уже двадцать с лишним лет была ему верной женой и надежным тылом.

По крайней мере, она в этом не сомневалась.

После развала Советского Союза шахты стали закрываться одна за другой. Люди, которые раньше считались зажиточными, элитой общества, внезапно превратились в безработных. Некоторые спились и умерли, другие нашли себе новое применение, а иные, самые предприимчивые, начали добывать уголь незаконно, в так называемых «копанках». Бизнес шел успешно, но владельцы копанок периодически постреливали друг в друга, борясь за территорию и раздел сфер влияния.

Несколько лет дела у Марины шли хорошо, и главной ее заботой были выкройки, ткани, а также приготовление обедов, походы на рынок, разведение кур и прочие домашние дела.

А потом что-то пошло не так. Марина это сразу заметила — по хмурому виду Сергея, по напряженной атмосфере, которая буквально повисла в воздухе, сгустившемся от тревожного ожидания... Муж стал раздражительным, обидчивым, почти невыносимым. Казалось, еще чуть-чуть, и от него, как от испорченной розетки, будут лететь искры. В стране прошли очередные выборы (политика ей никогда не была интересна, и она всегда с удивлением обнаруживала сменившееся имя президента). Новая власть принесла новые порядки, а с ней и «утверждение плана

мероприятий по прекращению добычи угля». А это значит, снова передел собственности, снова борьба за власть.

Сергей начал пропадать из дома, но она не особенно-то и волновалась. Такое иногда случалось, когда он завел эту... Ладно, лучше даже вообще не вспоминать! Она простила, конечно... Но теперь было другое, а что именно — она сначала не поняла.

Стали появляться знаки. Был убит любимый кот Франт — рыжий, с белыми лапками и пушистым хвостом. Удивительно умный был кот, ласковый. Его нашли задушенным, со свернутой набок шеей. Марина не могла поверить в случившееся, рыдала над его жалким обмякшим телом. Но и тогда она ничего не понимала.

Потом случился пожар в сарае, где жили куры. Марина еле успела потушить его, а потом скорбно подбирала и хоронила обугленные маленькие тушки. Не выдержав, она спросила:

— Сергей, за что это нам?

Он помолчал, угрюмо взял сигарету, закурил.

— Ты знаешь, что такое «передел собственности»?

Марина задумалась. Об этом она слышала только по телевизору. Но чтобы в жизни?

— Сергей...

— Понимаешь, Мариш, там, где крутятся большие деньги, нужно, чтобы кто-то их... охранял.

— И что?

— А то, что иногда бывает, что люди не могут поделить контроль и начинают драться. Понимаешь?